

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

С.В. КИСИН

ГЕНЕРАЛ ДЕНИКИН

За Россию,
Единую и Неделимую

Новейшие исследования по истории России

Сергей Кисин

**Генерал Деникин. За Россию,
Единую и Неделимую**

«Центрполиграф»

2021

УДК 94(470)"1917/1922"
ББК 63.3(2)612

Кисин С. В.

Генерал Деникин. За Россию, Единую и Неделимую /
С. В. Кисин — «Центрполиграф», 2021 — (Новейшие
исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-09698-2

В истории Гражданской войны в России (1917–1922) фигура главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А. И. Деникина (1872–1947) крайне противоречива. Победители-красные ненавидели генерала, как самого успешного белого командующего, доставившего им много хлопот, но отдавали ему должное за принципиальность и последовательность, желание сохранить единую страну, вопреки действиям союзников. Проигравшие-белые считали его недостаточно харизматичной фигурой на фоне легендарных личностей Белого дела, не сумевшей добиться поставленной цели из-за стратегических ошибок. Вместе с тем отмечали его способность защищать свои позиции и на фронте, и в сложнейших переговорах с интервентами. Генерал Деникин много десятилетий прожил в изгнании, но пронес свои патриотические взгляды через все эти годы и через Вторую мировую войну, не запятнав себя сотрудничеством с нацистами. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 94(470)"1917/1922"
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-09698-2

© Кисин С. В., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Генеральский штаб	7
Конец и новое начало	9
Марш Дроздовского	14
Казачья нагайка	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Кисин
Генерал Деникин. За Россию,
Единую и Неделимую

*Посвящается моей жене Арине Барсуковой, без которой бы эта
книга не родилась*

Генеральский штаб

В истории Белого дела командующий Белой армией и главком Вооружёнными силами Юга России генерал-лейтенант Антон Деникин стоит несколько особняком. Он не был в числе записных лидеров движения подобно адмиралу Александру Колчаку, генералам Лавру Корнилову, Михаилу Алексееву, атаманам Алексею Каледину, Петру Краснову, Александру Дутову, Григорию Семёнову. Не стал «новым белым героем» подобно генералам Сергею Маркову, Александру Кутепову, Михаилу Дроздовскому, Владимиру Каппелю, Якову Слащёву, Андрею Шкуро, Антону Туркулу, Роману Унгерну.

Честный служака, Деникин выдвинулся в умные и старательные полководцы ещё в ходе Русско-японской и Первой мировой войн. Но, как правило, пребывал на вторых ролях. Деникин сам никогда не претендовал на единоличное лидерство. При главкоме Корнилове предпочитал заниматься боевой подготовкой и штабной деятельностью, после его гибели делил власть с Алексеевым. Под нажимом союзников без сопротивления (по крайней, мере открытого) уступил титул Верховного главнокомандующего адмиралу Колчаку, хотя именно ВСЮР были в шаге от Москвы. После новороссийской катастрофы с тяжёлым сердцем, но без интриг сдал командование барону Петру Врангелю. Иными словами, ни бонапартистских, ни карьеристских целей генерал Деникин в ходе Гражданской войны отнюдь не преследовал, в отличие от многих своих коллег-единомышленников по белогвардейскому лагерю. Несмотря на это, за глаза окружение величало его «царём Антоном».

Генерал был до мозга костей военный, в меньшей степени дипломат и очень слабый политик. Возможно, потому, что он был движим не политическим прагматизмом, а идеализмом. Решив для себя, что он борется за «великую, единую и неделимую Россию», Деникин ни разу не позволил себе компромисса. Ни разу не поступился интересами государства, которого де-факто уже не существовало. Не пошёл на сделку с совестью и в эмиграции, находясь, по сути, на положении военнопленного в оккупированной немцами Франции.

Писатель Иван Шмелёв в своём некрологе от 12 августа 1947 года писал:

«Генерал Деникин остался в моей душе как подлинно русский человек-солдат: верующий, честный и волевой, целомудренно-чистый, „ответственный“; человек любви „во Христе“, человек долга и – это такая редкость! – непреклонный. Во что поверил – тому служу. До конца.

Генерал Деникин был православный, глубоко религиозный человек. Эта „православность“ вела его – вождя, солдата, государственника, политика. Это великая сила: совесть, несение Креста и – непреклонность: как на посту, до смены разводящим. Его никто не сменил, до смерти. И после смерти – никто не сменит. Он так и пребудет – „на часах“ – примером чести, долга и стойкости»¹.

Удивительная характеристика человека эпохи братоубийственной войны, второй русской Смуты, когда рухнули почти все моральные преграды, вера перетекла в крайний фанатизм, а жизнь человеческая ценилась дешевле пули.

Генерал Деникин был в числе тех, кто относительно спокойно принял крушение династии, но крайне отрицательно отнёсся к деятельности Временного правительства, своими populistскими рескриптами фактически запустившего в марте 1917 года развал воюющей армии. Многомиллионное воинство разлагалось и неумолимо проигрывало почти выигранную после успешной кампании 1916 года войну. Потерявшая управление вооружённая масса, пользуясь неожиданно обрушившейся на неё анархией, митинговала, браталась с врагом, отказывалась идти в бой, бросала позиции, дезертировала, мародёрствовала. Командиры с принятием печально известного приказа № 1 Петросовета утратили всякий авторитет и возможность

¹ Русская мысль. 1947. 16 авг. № 18. С. 1–3.

наказания провинившихся и порой сами становились жертвами разгула стихийных самосудов. Падение дисциплины, брожение среди солдат, агитация левых партий на фронте привели к параличу командования и утере управления войсками.

Кадровые офицеры (не из разночинцев времён германской войны) и генералы, особо пострадавшие, понимали всю пагубность псевдодемократического популизма Керенского и К^о.

Но поскольку военным ранее запрещено было заниматься политикой, долгое время их неорганизованные единичные протесты оставались гласом вопиющего в пустыне. Запутавшееся в двоевластии правительство заигрывало с солдатскими комитетами и предпочитало не слышать доводы разума. С одной стороны, оно провозглашало «войну до победного конца», с другой – волей-неволей делало всё для того, чтобы армия и флот оказались, по сути, небоеспособными. Провалилось июльское наступление Юго-Западного фронта, пала Рига, немцы вышли к Финскому заливу.

На этом фоне патриотически настроенная часть высшего офицерства начала спланировать вокруг популярного на тот момент генерала Корнилова, авторитета которого опасалось даже Временное правительство. Корнилов выступал за жёсткие меры по наведению порядка на фронте и дисциплины в тылу вплоть до введения военно-полевых судов и смертной казни. Жёсткими мерами удалось добиться относительной стабилизации на фронте. Вместе с этим генерал предъявил Временному правительству фактически ультиматум в виде собственной военной программы по преодолению анархии в тылу, чем вызвал восторг офицерских организаций, но подо зрение в бонапартизме со стороны либералов и левых партий и самого председателя правительства Александра Керенского, обвинившего генерала в попытке военного переворота.

Среди сторонников Корнилова был и генерал Деникин. После провала неподготовленного корниловского путча в сентябре 1917 года он в числе нескольких десятков заговорщиков оказался под арестом в Быховской тюрьме. Именно в Быхове и оформился костяк будущей Добровольческой армии, решившей и далее бороться за спасение государства. После большевистского Октябрьского переворота быховцы бежали из заключения на Дон, где атаман Каледин отказался подчиняться новым властям. Там, в Новочеркасске, на добровольной основе началось формирование армии, противостоящей большевикам и надеявшейся на поддержку казачества. Во главе Добрармии встали генералы Корнилов и Алексеев. Деникин взял на себя военные функции.

Конец и новое начало

Гибель Лавра Корнилова означала для Добровольческой армии конец Ледяного похода – конечная его цель, столица Кубани, оказалась недостижимой. В апреле 1918 года она выбрала «красный цвет» и перекрашиваться не пожелала. Слишком сильны оказались самостийные иллюзии и большевистская агитация.

Отступление от Екатеринодара для Добрармии оказалось ещё тяжелее, чем наступление на него. На всю артиллерию – 30 снарядов, патронов почти нет. Деморализация полная. Большую часть обоза пришлось оставить, бесполезных орудий – тоже. В Елизаветинской были оставлены 64 тяжелораненых с врачом, сёстрами и деньгами (для подкупа большевиков). Судьба их вполне предсказуема – только 14 человек выжили, остальных растерзали. Далее в станицах оставляли «наудачу» по 100–200 раненых – кому как повезло. С собой везти их было бесполезно – ни бинтов, ни йода, ни медикаментов.

Деникин вспоминал о дне 2 апреля 1918 года: «Этот день останется в памяти первоходников навсегда. В первый раз за три войны мне пришлось увидеть панику. Когда люди, прижатые к реке и потерявшие надежду на спасение, теряли всякий критерий реальной обстановки и находились во власти самых нелепых, самых фантастических слухов. Когда обнажались худшие инстинкты, эгоизм, недоверие и подозрительность – друг к другу, к начальству, одной части к другой. Главным образом в многолюдном населении обоза. В войсковых частях было лучше, но и там создавалось очень нервное настроение».

Настроение совсем упало, пошли слухи один страшнее другого – якобы конница решила бросить пехоту и пробиваться сама, якобы в полках решили продать большевикам командиров, якобы матрос Баткин пытается договориться с красными. Полковник Тимановский скрытно придвинул к штабу офицерскую часть. На всякий случай.

Стали уходить поодиночке. Ушёл генерал-лейтенант Яков Гилленшмидт и пропал без вести.

Пришлось прорываться через железную дорогу, где добровольцев поджидали два бронепоезда. Обманули красных, перешли дорогу там, где их не ждали.

У станицы Медведовской генерал Марков припёр к стенке путевого обходчика и револьвером в ухо заставил его успокоить по телефону большевиков. В темноте они вроде ничего не почуяли, но, когда добровольцы выстрелами спугнули красных часовых, бронепоезд со станции тихо пошёл к переезду, где уже обосновался штаб армии. Наперерез бросился Марков. С криком: «Поезд, стой! Раздавишь, сукин сын! Разве не видишь, что свои?!» – он остановил паровоз. Когда машинист высунулся наружу, Марков швырнул ему в кабину ручную гранату. Снайпер Миончинский тут же вlepил снаряд в паровоз, тот завалился набок, часть вагонов загорелась. Экипаж был перебит, белым достались 400 драгоценных снарядов и 100 тысяч патронов².

В последующие дни добровольцы петляли между железнодорожными ветками, подрывая пути и запутывая следы. В армию потекли кубанцы, пополняя ряды выбывших. В станицах встречали уже как старых знакомых.

Следует заметить, что на тот момент Добрармия была в прямом смысле добровольческой. Ни о какой мобилизации речи не шло, в неё приходили люди бороться за Идею, поэтому никто сюда силком никого не тянул. Хочешь воевать за Россию в том смысле, как её понимали Корнилов с Алексеевым, – милости просим, не хочешь – никто держать не станет. Сохранились слова, которые резкий на язык Марков в тот момент высказал одуревшим от боёв подчинён-

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 2. С. 27.

ным Офицерского полка: «Ныне армия вышла из-под ударов, оправилась, вновь сформировалась и готова к новым боям...

Но я слышал, что в минувший тяжелый период жизни армии некоторые из вас, не веря в успех, покинули наши ряды и попытались спрятаться в селах. Нам хорошо известно, какая их постигла участь, они не спасли свою драгоценную шкуру. Если же кто-либо еще желает уйти к мирной жизни, пусть скажет заранее. Удерживать не стану. Вольному воля, спасенному рай, и... к черту»³.

Оживающая Добровольческая армия получила в эти дни две разноречивые, но крайне важные новости – большевики подписали Брестский мир и восстали донские казаки. Случилось то, чего так боялись и чего так ждали. Ленин капитулировал перед злейшим врагом добровольцев, а значит, три года войны они проливали кровь зря. Этот враг – немцы – скоро появится в прямой видимости.

С другой стороны, возлагавшиеся на казачество надежды оправдались. Донцы недолго терпели над собой комиссаров, и теперь Тихий Дон готов стать под знамёна Белого движения. Генерального штаба полковник Владимир Барцевич, посланный в разведку, привёз депутацию от донцов из 17 человек, которые сообщили, что генерал Попов окончил Степной поход в Новочеркасске. Выбив оттуда большевиков с помощью пришедшего из далёких румынских Ясс отряда полковника Михаила Дроздовского, который ищет встречи с командованием Добармии.

Это совершенно ободрило обескровленную армию. Значит, есть ещё другие силы в России, кроме них. Есть ещё офицеры, которые взяли за оружие и пришли на Дон вместе сражаться с большевиками.

Направление движения было выбрано однозначно – на Дон. 19 апреля армия двинулась обратно.

Подробности в штабе сообщили члены делегации. Выяснилось, что восстание спровоцировал бесчинства местного красновардейского отряда в станице Цимлянкой, где голубевцы растратили станичную казну себе на жалованье, а затем наложили на цимлянцев контрибуцию. Казаки обомлели от такой наглости и на станичном собрании постановили распустить отряд из 70 красновардейцев. Голубевцы отказались возвращать казну и стали уходить на станцию Ремонтная, ища там поддержки. Тогда казаки ударили «сполох», войсковой старшина Иван Голицын заявил, что такой власти на Дону «не любо», и разослал гонцов в станицы Терновскую, Кумшатскую, Филипповскую и Верхне-Курмоярскую. Беглецов догнали, деньги отобрали, а самих порубили в капусту. Теперь уже отступить было поздно. Иллюзии относительно возможности «мирного сосуществования» с большевиками кончились, тем более что и без этого эпизода на Дону хватало злобы среди казаков – крестьяне уже кинулись делить казачью землю, чего вольное воинство потерпеть не могло. Получалось, что, вместо ожидаемых дополнительных «легот» от большевиков, казаки лишались и земли, и воли, и власти на собственной территории.

18 марта поднялась станица Суворовская. Отсюда восстание покатило по станицам 1-го и 2-го Донских округов, были направлены гонцы к партизанам генерала Попова с просьбой о поддержке. Генерал к тому времени маневрировал на Маныче и Сале, ухитрившись не только сбереж в мелких стычках основные силы, но и пополниться несколькими сотнями калмыков станиц Платовской (родина Семёна Будённого), Бурульской и Граббевской – дополнительно 770 шашек.

³ Там же. С. 27.

Узнав о начале восстания, Попов двинул партизан к Дону. Голубевцы, не сумев отсечь партизан от повстанцев, ввиду начала весны решили, что хватит воевать. У них «начались торжества, пьянство и самодемобилизация на полевые работы»⁴.

К концу марта неутомимый мигулинец Попов, который также испытывал проблемы с дисциплиной рядовых казаков, желающих пахать, а не воевать, собрал офицеров и переправился через Дон у станицы Нижне-Курмоярской, начав движение на Новочеркасск.

В начале апреля восстали донцы ближних к казачьей столице станиц Кривянская, Заплавская, Бессергеновская, Мелеховская, Раздорская и Багаевская. Их возглавил войсковой старшина Михаил Фетисов (у друзей имевший прозвище *Ахмет мирза Пей Наливай Бей Выталкивай Выгоняй Бек Фетисов*), собравший партизанский отряд из бывших сослуживцев по 7-му Донскому казачьему полку. 1 апреля отряд лихой и абсолютно авантюрной атакой выбил красных из Новочеркасска.

Стратегического смысла в этом не было никакого – маленький отряд не смог бы не только удержать большой город, но даже контролировать его центральную часть. Но ведь плох тот казак, который не мечтает стать атаманом.

Через три дня красные перебросили подкрепления из Ростова, и «Ахмет мирза» вынужден был вновь уводить партизан к Дону на поиски «степняков» генерала Попова.

Походный атаман был умнее и дальновиднее, на рожон не лез, пернача себе не искал. Спокойно формировал «пояс сопротивления». К середине апреля на Дону уже были сформированы три «фронта» – Задонская группа генерала Ивана Семенова (район Кагальницкой – Егорлыкской), Южная группа Генерального штаба полковника Святослава Денисова (район станицы Заплавской), Северная группа войскового старшины Эммануила Семилетова (район Раздорской). Общая численность повстанцев составляла не менее 10 тысяч сабель, что являлось уже очень мощной силой, с которой большевикам приходилось считаться⁵.

Самим красным в это время уже было не до погонь за партизанами – на Дон стремительно продвигались немцы, оккупировавшие по Брестскому миру Прибалтику, Белоруссию и Украину. Германские и австрийские разъезды уже выходили к границам Донской области, внося разлад в умы руководства «Донской советской республики», настроенной преимущественно левоэсеровски (сам глава Совнаркома ДСР подхорунжий Фёдор Подтёлков также был левым эсером). На I съезде Советов ДСР в апреле 1918 года горячие головы от эсеров и левых коммунистов даже протолкнули резолюцию об объявлении «революционной войны» Германии, вопреки позиции Ленина, согласному на любой, пусть даже «похабный», но мир с тевтонами. А поскольку надёжных войск в Ростове для этого не было вообще, военный комиссар Подтёлков с комиссаром по делам управления прапорщиком Михаилом Кривошлыковым с отрядом в 120 человек и 10 млн николаевских рублей отправились на Верхний Дон в Хоперский и Усть-Медведицкий округа проводить мобилизацию в «революционную армию» для отпора немцам. Считалось, что более бедные верховые станицы априори должны выступить на стороне большевиков. Сам Подтёлков был родом из верхнедонского хутора Крутовского.

Однако уже сами большевики выпустили ситуацию на Дону из-под контроля – казачество, видя, куда гнут новые власти, терпеть их долее не захотело ни в низовых, ни в верховых станицах. Отряд Подтёлкова был разоружён у станицы Краснокутской, а затем у хутора Пономарёва после краткого суда обоих главарей, как изменников Дону, приговорили к повешению, а остальных – к расстрелу.

В самом Ростове уже было непонятно, кто именно контролирует ситуацию. Рабочие так и оставались под сильным влиянием меньшевистского Донкома РСДРП, левые коммунисты и эсеры игнорировали рекомендации Ленина, требовавшего прекратить антигерманскую про-

⁴ Венков А. В. Атаман Краснов и Донская армия. 1918. М., 2018. С. 8.

⁵ Там же. С. 8.

паганду. К тому же по ходу наступления немцев из Украины на Дон выдавливались отряды разного рода батьков, анархистов, авантюристов всех мастей. В Новороссийске и Крымской верховодил самостийник Михайло Бушко-Жук («товарищи, мы боролись за диктатуру пролетариата, а пришли к диктатуре штыка»), в Кавказской – «комиссар» Сергей Одарюк, в Армавире – партизан Иван Гудков, в Баталпашинской – сын колесника Яков Балахонов и прочие «коммунисты-анархисты».

К примеру, в Ростове и Новочеркасске в это время буйствовал отряд «чёрной гвардии» известной бомбистки и анархистки Маруси Никифоровой, соратницы Нестора Махно, известной своим участием в ряде бандитских налётов на банки и подрывах кафе, магазина и пассажирского поезда. Пользуясь поддержкой своего старого знакомого по эмиграции Антонова-Овсеенко, прибывшая на бронеплатформе с оружием Маруся со своей братвой в Ростове захватила ряд банков и на площади перед Новым базаром устроила «уничтожение капитала» и «рождение нового мира» – сожжение ценных бумаг и облигаций. Золото и бриллианты всё же осели в карманах борцов против капитала. Местная Красная гвардия боялась ей помешать, ибо вслед прибыли с Украины анархистские отряды Арона Барона, Махно, Желябова, Васильева и прочих⁶.

Отсутствие твёрдой власти оживило ростовскую босоту, и город наводнился налётчиками, громилами и ворами. Местному Совнаркому, погрязшему в политических дразгах и пытавшемуся сохранить хотя бы видимость управления, было не до них.

Об этих страстях Деникин знать ещё не мог, как и о занятии немцами Украины и Крыма. Гонцы с Дона приносили ему лишь просьбы о помощи восставшим казакам, ведущим наступление на Новочеркасск. Надо было решать, куда вести неприютную Добровольческую армию. Донское направление подсказывала сама обстановка. Долгожданные слова «Дон проснулся» стали паролем для всей армии, стремившейся уйти из иногородних хуторов к гостеприимным станицам. Деникин отдал приказ 1-му конному полку идти на знакомую Егорлыкскую, а партизанам Богаевского – в тыл большевикам на слободу Гуляй-Борисовка.

В Егорлыкской 20 апреля большевистский снаряд угодил в дом, где располагался штаб с Деникиным и Романовским. Новый главком чуть было не повторил судьбу старого. Но судьба его берегла: погиб адъютант, и были ранены несколько офицеров. Оба генерала вышли из дома, с головы до ног перепачканные извёсткой. Пронесло, была Страстная суббота...

Судьба надолго связала Деникина и Романовского. В последующие два года войны дня не проходило, чтобы генералы не виделись и не принимали решений по военным и политическим вопросам коллегиально. По существу, это был первый «правлящий тандем» в Белой России.

«С первых же дней совместной службы в качестве командующего и начальника штаба, – писал Деникин, – между нами установились отношения интимной дружбы, основанные на удивительном понимании друг друга и таком единомыслии, которого мне лично еще не приходилось испытывать в своих отношениях с людьми. Работать вместе было легко и приятно».

Заметим, подобных отношений у Деникина с Алексеевым не сложилось, хотя за последние полгода в спорах с Корниловым именно на его стороне чаще всего выступал сын крепостного. Вероятнее всего, несостоявшийся диктатор и «спаситель России» вообще дистанцировался от любого лидера, стараясь показать свою обособленность и особое мнение по всем вопросам. К тому же неуживчивый характер Алексеева и его двусмысленная позиция в ходе корниловского мятежа всё же отдаляли от него монархически настроенных офицеров и генералов, которых на тот момент в Добровольческой армии было большинство.

Армия возвращалась. В пасхальную ночь добровольцы входили в первую на пути донскую станицу Егорлыкскую, навстречу крестному ходу из местного храма.

⁶ Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны. Харьков; М., 2000. С. 65–67.

На Дону в станице Мечетинской Ледяной поход заканчивался. Из тех, кто выступил из Ольгинской 15 февраля, в живых осталось 3698 человек, получивших впоследствии медаль «первопоходников» – на Георгиевской ленте серебряный терновый венец, пронзённый мечом. На Дон возвращались уже чуть более 5 тысяч человек с примкнувшими к добровольцам кубанцами⁷.

Один из участников Ледяного похода подытоживал: «80 дней маршей, из коих 44 боя, 1050 вёрст пройденного пути... около 500 убитых, 1500 раненых. Зажгли ли мы тот светоч, о котором говорил генерал Алексеев? Да, зажгли. Ибо, несмотря на значительные, часто искусственно создаваемые с разных сторон, препятствия, к нам отовсюду потянулись русские офицеры и добровольцы»⁸.

То есть из 3683 выступивших в поход корниловцев Добармия потеряла более 60 % своего состава. Как говорил тот же Деникин, «деревянный крест или жизнь калеки были уделом многих участников корниловского похода». Лучших из лучших, тех самых, которые фанатично верили в Идею. Соль Белой России.

В это же время параллельно в Ростов с боем входил отряд полковника Михаила Дроздовского, проделавший более чем тысячевёрстный марш из Румынии на соединение с Добармией. Его авангард во главе с полковником Антоном Туркулом пробился к кафедральному собору Рождества Богородицы на Старом базаре. Белая Россия объединялась.

⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май – октябрь 1918. Минск, 2004. С. 96.

⁸ Деникин А. И. Указ. соч. С. 96.

Марш Дроздовского

Генерального штаба полковник Михаил Дроздовский был единственным старшим офицером русской армии, сумевшим сформировать дееспособную добровольческую часть и с боями провести её с Румынского фронта из Ясс в Новочеркасск.

Один из современников дал ему такую характеристику: «Нервный, худой, полковник Дроздовский был типом воина-аскета: он не пил, не курил и не обращал внимания на блага жизни; всегда – от Ясс и до самой смерти – в одном и том же поношенном френче, с потертой георгиевской ленточкой в петлице; он из скромности не носил самого ордена. Всегда занятой, всегда в движении. Трудно было понять, когда он находил время даже есть и спать. Офицер Генерального штаба – он не был человеком канцелярии и бумаг. В походе верхом, с пехотной винтовкой за плечами, он так напоминал средневекового монаха Петра Амьенского, ведшего крестоносцев освобождать Гроб Господень... Полковник Дроздовский и был крестоносцем распятой Родины. Человек малого чина, но большой энергии и дерзновения, он первый зажёл светильник борьбы на Румынском фронте и не дал ему погаснуть»⁹.

Сам 36-летний полковник уже к тому времени был достаточно известной личностью в военной среде. Родился в семье генерала, героя Севастопольской обороны, с отличием закончил Павловское училище, откуда вышел в приснопамятный лейб-гвардии Волынский полк, сыгравший столь зловещую роль в Февральской революции. Оставил академическую скамью, уйдя добровольцем на войну с Японией.

За период двух войн собрал россыпь боевых орденов за личную храбрость и золотое Георгиевское оружие, что лишь подчёркивает отвагу Дроздовского. В период между войнами успел отучиться на курсах воздухоплавания, ходил в море на броненосце и подводной лодке, спускался на дно морское в водолазном костюме. Настоящий боевой офицер, познавший в военном деле таинства всех видов войск.

«Приказом командующего 10-й армией 2 ноября 1915 года за № 1270 награждён Георгиевским оружием за то, что, принимая непосредственное участие в бою 20 августа 1915 года у местечка Оханы, произвёл под действительным артиллерийским и ружейным огнём рекогносцировку переправы через Месечанку, руководя форсированием её, а затем, оценив возможность захвата северной окраины местечка Оханы, лично руководил атакой частей Перекопского полка и умелым выбором позиции способствовал действиям нашей пехоты, отбивавшей в течение пяти дней наступавшие части превосходных сил противника»¹⁰.

Крушение государства и развал армии настолько потрясли Дроздовского, что он после большевистского переворота решил сложить с себя полномочия начальника 14-й дивизии Румынского фронта. Однако именно в это время тогдашний командующий фронтом генерал Дмитрий Щербачёв получил из Новочеркасска письмо от экс-главнокомандующего генерала Михаила Алексея о формировании добровольческого соединения на Дону для спасения России. Союзники поддержали идею, но с уклоном её в формирование украинских национальных частей, которые, по их мнению, должны были образовать фронт против Германии. В очередной раз сказалась союзническая недальновидность, ибо именно украинские самостийники начали секретные переговоры о мире с немцами.

Русское же офицерство, которому претил раскол державы, проукраинскую позицию не собирались отстаивать, но планировали бороться в первую очередь с узурпаторами, а не с тевтонами. Щербачёв поколебался и дал разрешение Дроздовскому формировать добровольческие части по своему усмотрению.

⁹ Бондаренко В. В. Вожди Белого дела. М., 2017. С. 24.

¹⁰ Гагкуев Р. Г. Последний рыцарь // Дроздовский и дроздовцы. М., 2012. С. 9—125 и др.

Воспрянувшее духом офицерство наименее подверженного разложению Румынского фронта двинулось в Яссы, во фронтовой штаб, дабы сколотить отряд и пробиваться в Новочеркасск – к Алексееву и Корнилову. По пути отбирали оружие у дезертиров, устраивали засады на дорогах, внезапно налетали, разоружали опустившихся бродячих вооружённых погромщиков и бандитов в солдатских шинелях. Так приобрели винтовки, пулеметы, лёгкую батарею и батарею шестидюймовых мортир, броневики, обозы. Формировали сразу две бригады добровольцев – полковника Дроздовского в Яссах и генерал-лейтенанта Юлиана Белозора в Кишинёве. Однако впоследствии Белозор струхнул и не только отказался от похода, но и призвал своих офицеров «не доверять безумному плану Дроздовского».

Утром 16 декабря 1917 года в одной из палат лазарета Евгеньевской общины Красного Креста началась запись добровольцев в 1-ю бригаду. Поступающие давали подписку:

«Я, ..., поступая добровольно в Национальный Корпус Русских Добровольцев, имеющий целью воссоздание порядка и организацию кадров по воссозданию российской армии, причём за всё время пребывания в Корпусе обязуюсь:

1) Интересы Родины ставить превыше всех других, как-то – семейных, родственных, имущественных и пр. Поэтому защищать с оружием в руках, не жалея своей жизни, родину, жителей ее без различия классов и партий – и их имущество от всякого на них посягательства.

2) Не допускать разгрома и расхищения каких бы то ни было складов.

3) Всюду стоять на страже порядка, действуя против нарушителей всеми способами до применения оружия включительно.

4) Быть внепартийным, не вносить и не допускать в свои ряды никакой партийной розни, политических страстей, агитации и т. д.

5) Признавать единую волю поставленных надо мною начальников и всецело повиноваться их приказаниям и распоряжениям, не подвергая их обсуждению.

6) Всюду строго соблюдать правила дисциплины, подавая собою пример окружающим.

7) Безропотно и честно исполнять все обязанности службы, как бы они тяжелы временами ни были.

8) Не роптать, если бы случайно оказался недостаток обуви, одежды, пищи или она оказалась бы не вполне доброкачественной.

9) Также не роптать, если бы оказались неудобства расквартирования, как то: теснота, холод, грязь и пр.

10) Не употреблять спиртных напитков и в карты не играть.

11) Без разрешения своих начальников от своих частей не отлучаться.

12) В случае неповиновения, дезертирства, восстания, агитации против дисциплины подлежу наказанию по всей строгости законов военного времени»¹¹.

Дроздовским были посланы офицеры-вербовщики в Одессу, Киев и другие крупные города. Бригада постепенно разрасталась. Союзники же, традиционно не разбираясь в российской конъюнктуре, делали ставку на генералов Щербачёва и его начальника штаба Анатолия Кельчевского. Из-за этого возникла невообразимая путаница в штабах, пошли трения с румынами и украинцами. Немцы всех и «помирили», начав наступление в Румынии. Отчаявшиеся генералы на фоне переговоров большевиков в Брест-Литовске отдали приказ о роспуске добровольцев. Однако Дроздовский подчиниться отказался. Румыны, готовясь к предсказуемому предательству большевистских властей и подписанию сепаратного мира с Центральными державами, запретили выдачу оружия русским и пропуск их в Россию, рассчитывая путём сдачи в плен целого фронта выторговать себе приемлемые условия капитуляции. 23 февраля 1918 г. румынские войска начали окружать местечко Соколы, где стояла бригада, намереваясь её разоружить.

¹¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 347. Л. 3.

Дроздовский прямо предупредил союзников, что «разоружение добровольцев не будет столь безболезненно, как это кажется правительству» и что «при первых враждебных действиях город Яссы и королевский дворец могут быть жестоко обстреляны артиллерийским огнём». При попытке румын окружить лагерь добровольцев те развернулись в боевые цепи и выкатили пушки на прямую наводку. Гордые потомки даков моментом испарились и дали отмашку – пусть эти русские катятся куда хотят. Отдали всё, что требовал Дроздовский: снаряды, бензин, деньги.

26 февраля 1918 года 1-я бригада добровольцев Дроздовского в составе 667 офицеров, 370 солдат, 14 врачей и 12 медсестёр выступила в поход на Дон. Всего 1063 человека.

5 марта в Дубоссарах бригада приняла окончательный вид:

штаб (начальник штаба – полковник Михаил Войналович, его помощник – подполковник Георгий Лесли);

сводно-стрелковый полк (генерал-майор Владимир Семёнов);

конный дивизион (102 сабли, штаб-ротмистр Борис Гаевский);

артиллерия (под общим командованием генерал-лейтенанта Николая Невадовского);

конно-горная батарея (капитан Борис Колзаков);

лёгкая батарея (полковник Михаил Ползиков);

мортирный взвод (полковник Александр Медведев);

команда связи (капитан Сосновский);

конная и автомобильная радиотелеграфные станции (подполковник Гран);

автоколонна (капитан Лисицкий);

броневой отряд – броневики «Верный» и «Доброволец» (капитан Ковалевский);

команда разведчиков особого назначения (поручик Гандлевский, 15 сабель);

полевой лазарет (старший врач Михаил Введенский);

интендантство (полковник Абрамов)¹².

Будущий командир Дроздовской дивизии Антон Туркул так описывал состояние умов добровольцев: «Белая идея есть само дело, действие, самая борьба с неминуемыми жертвами и подвигами. Белая идея есть преображение, выковка сильных людей в самой борьбе, утверждение России и её жизни в борьбе, в неутихаемом порыве воли, в непрекращаемом действии. Мы шли за Дроздовским, понимая тогда всё это совершенно одинаково»¹³.

Полковники шли фельдфебелями, генерал-лейтенант Невадовский записался рядовым артиллеристом. Во главе отряда в солдатской шинели с вещмешком за плечами шёл сам командир. Другого имущества у него не было – только Идея. В своём дневнике, начатом во время похода, он писал: «Россия погибла, наступила эра ига. Неизвестно, насколько времени. Это иго горше татарского. Пока царствуют комиссары, нет и не может быть России. Сердце, молчи; воля, закаляйся. Ибо этими дикими, разнузданными хулиганами уважается лишь один закон – „око за око, зуб за зуб“. Но в ответ они получают „два ока за око, все зубы за зуб“! Такая это страшная вещь – гражданская война. Только так вдали видится слабое мерцание солнца. Пока же я – обрекающий и обреченный...»¹⁴

Пробиваться пришлось почти с ежедневными боями. Австрийцы, украинцы, большевики, бандиты. Население после анархии и грабежей встречало настороженно, но благосклонно. Год беспредела отбил иллюзию всяческих «революций», все хотели лишь одного – порядка. А в стройных шеренгах дроздовцев этот порядок вновь обретал чёткие очертания. Поэтому вязали и приводили собственных «большевиков», сиречь бандитов и налётчиков. С такими же разговор короткий – в расход.

¹² Гагкуев Р. Г. Указ. соч. С. 9.

¹³ Туркул А. В. Дроздовцы в огне. Л., 1991. С. 9.

¹⁴ Дроздовский М. Г. Дневник. М., 2018. С. 15.

Дроздовский писал в дневнике: «А в общем, страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какую смертельною злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце моё мучится, но разум требует жестокости. Надо понять этих людей, из них многие потеряли близких, родных, растерзанных чернью, семьи и жизнь которых разбиты, имущество уничтожено или разграблено и среди которых нет ни одного, не подвергавшегося издевательствам и оскорблению; надо всем царит теперь злоба и месть, и не пришло ещё время мира и прощения...»¹⁵

26 марта к бригаде присоединился шедший походом из Измаила отряд полковника Михаила Жебрака-Рустановича (встречается написание Жебрак-Русакевич) в составе 130 человек, главным образом из состава отдельной Балтийской морской дивизии. Он принёс с собой знамя дивизии – морской Андреевский флаг с синим крестом, который стал впоследствии знаменем Дроздовского полка.

Под Каховкой столкнулись сразу три силы – дроздовцы, красные и немцы. Германцы здраво рассудили, что с «отмороженным» русским офицерством, брестских переговоров не признающим, лучше не связываться. Спросили: кто такие и куда путь держат. Дроздовский ответил, что идут через Александровск на Москву бороться с большевиками. По отношению к Центральным державам сохраняют нейтралитет. Немцы успокоились. Предоставили русским самим лупить друг друга. Даже предложили свою помощь полковнику в пенсне и солдатской шинели. Тот вежливо отказался, попросил посторониться и штыковой атакой за десять минут вынес красных из Каховки. Поражённые германцы отдали «дроздам» все трофеи, которые обнаружили в городе. Майор Науман распорядился отдать все снаряды. Все не взяли, не на чем было везти, только 500 штук. Отслютовали на прощание. Дальше шли почти рука об руку с врагами, с которыми воевали три года, – то дроздовцы впереди немцев и австрийцев, то наоборот.

Сначала это вызывало недоумение у самих добровольцев, которые полагали, что таким образом они прокладывают дорогу для врага, с которым так долго и кроваво сражались. Пришлось Дроздовскому пригласить всех старших офицеров к себе и разъяснить им, что он «ни в какие переговоры о совместных действиях с немцами не входил, а лишь потребовал пропустить отряд». Скрепя сердце согласились, ибо Брестский мир никто из них не признавал.

Разгоняли банды, возвращали награбленное, восстанавливали порядок, принимали добровольцев, отставшие отряды офицеров, юнкеров, кадетов, гимназистов. Раздавали оружие местной самообороне.

В непролазной грязи, где застревали броневики и автомобили, Дроздовский посадил пехоту на телеги и в «тележном» строю атаковал.

Под Акимовкой помогли местной милиции – разбили банду некоего Нестора Махно, уверявшего, что он красный, но называвшего себя «батькой». Выгнали его за самое Гуляйполе – вотчину «советского Пугачёва». С тех пор Нестор Иванович люто ненавидел добровольцев, а более всего «дроздов» и в плен их не брал.

Под Мелитополем немецкие колонисты ждали Дроздовского, как избавителя. В начале апреля красногвардейцы появились у них и наложили на всю волость «контрибуцию» в 120 тысяч рублей. Однако «контрибуцию» отменил конный отряд «дроздов», разогнавший красную ватагу и снабдивший колонистов оружием для самообороны.

В Акимовке на станции встретили огнём эшелон красных. Пока те не опомнились, расстреляли паровоз и посекали из пулемётов пульмановские вагоны, где большевистское начальство устроило себе из награбленного склады продовольствия и амуниции. Сменили рванину на нормальную обувь и одежду.

¹⁵ Там же. С. 15–17.

В Мелитополе бригада узнала ужасную новость: под Екатеринодаром погиб генерал Корнилов, Добровольческая армия разбита и скитается уже где-то за Кубанью. Казалось, всё рухнуло. Цель, ради которой отважная тысяча больше месяца пробивалась на Дон, потеряла всякий смысл. Дроздовский приказал двигаться вперёд. «Будем же и впредь в грядущей борьбе смело ставить себе грядущие цели, стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славную гибель позорному отказу от борьбы».

В Мелитополе мобилизовали сапожников и портных – оделись и обулись. Сформировали две команды мотоциклистов.

Дроздовский писал: «Странные отношения у нас с немцами: точно призванные союзники, содействие, строгая корректность, в столкновениях с украинцами – всегда на нашей стороне, безусловное уважение... С украинцами, напротив, отношения отвратительные: пристававшие снять погоны, бояться только драться – разнузданная банда, старающаяся задеть... Немцы – враги, но мы их уважаем, хотя и ненавидим... Украинцы – к ним одно презрение, как к ренегатам и разнузданным бандам»¹⁶.

Германцы уже догадались, что ни на какую Москву отряд Дроздовского не идёт. Более того, они понимали, что объективно не признавшие Брестский мир и ориентирующиеся на Антанту добровольцы Корнилова и Деникина остаются врагами Германии и в будущем могут создать определённые проблемы Центральным державам. А сдавшие по «брестской капитуляции» треть империи и зубами вцепившиеся во власть большевики вроде бы как должны быть союзниками.

«Похабный» мир с большевиками для Германии мог быть только временным манёвром без всяких расчётов на дальнейшую дружбу. С либеральной же ослабленной Россией, которую добровольцам ещё предстояло отвоевать, уже можно было говорить всерьёз. К тому же реальной силы за корниловцами немцы не видели и в них не верили, зато была возможность предложить русским продолжать ослаблять свою страну, не вмешиваясь в мировую войну.

Добровольцы штурмом взяли Бердянск, выбили красных из Мариуполя. Сам Дроздовский выступал на заседании местного Союза офицеров, объясняя цели и задачи бригады, призывая с собой в поход. Закончил речь под гром аплодисментов. Но что важнее – записались добровольцы в отряд. Это была большая роскошь, ибо в Каховке присоединились всего около 40 человек, в Мелитополе – около 70, в Бердянске – 75, ещё 50 в Таганроге.

15 апреля 1918 г. прибыл первый делегат из казачьей станицы Новониколаевской и – просил помощи от красных банд на Кривой Косе. Дали оружие, чтобы дрались сами. Утром следующего дня доложили – уничтожили банду. 17 апреля наконец ступили на землю Всеволодского войска Донского. Счастливые казаки станицы Новониколаевской встречали белых как освободителей – в отряд записались сразу 44 женщины. Пошли очищать Дон от красных.

Обогнули Таганрог, в котором уже высадились немцы. Чуть не подрались с ними, когда те отказались пропустить дроздовцев на Ростов. Обманом проскочили.

22 апреля, в Страстную субботу, тысяча офицеров пошла на штурм города, битком забитого отступавшими большевиками. Всю пасхальную ночь 2-й конный полк полковника Михаила Войналовича бился на железнодорожном вокзале, потеряв своего командира чуть ли не после первого залпа. В полночь полурота штабс-капитана Антона Туркула прорвалась к кафедральному собору, откуда, невзирая на стрельбу, выходил крестный ход. Потом полковник писал: «На улицах встречались горожане-богомольцы, шедшие к заутрене. С полуротой я подошёл к собору; он смутно пылал изнутри огнями. Выслав вперёд разведку, я с несколькими офицерами вошёл в собор... Впереди качались, сияя, серебряные хоругви: крестный ход только что вернулся... А на нас сквозь огни свечей смотрели тёмные глаза, округлённые от изумления... С недоверием смотрели на наши офицерские погоны, на наши гимнастёрки.

¹⁶ Там же. С. 52.

Никто не знал, кто мы. Нас стали расспрашивать шёпотом, торопливо. Мы сказали, что белые, что в Ростове Дроздовский. Тёмные глаза точно бы потеплели, нам поверили, с нами начали христосоваться»¹⁷.

Под утро бой гремел уже по всему городу. 28 тысяч пришедших в себя красных навалились на горстку «дроздов». Наблюдавшие с темерницких холмов за баталией германские уланы вновь предложили помощь Дроздовскому. В разгар сражения пришло сообщение, что восставшие казаки полковников Святослава Денисова и Ивана Полякова истекают кровью под Новочеркасском и вот-вот сдадут позиции. В городе паника, повстанцев красные щадить не намерены, ожидаются повальные экзекуции.

Дроздовский с отрядом, выросшим до трех тысяч человек, оставил Ростов германцам и метнулся к Новочеркасску. Ростов без боя достался 52-й Вюртембергской резервной пехотной бригаде. В Ростове был оставлен лишь вербовочный пункт Дроздовского в гостинице «Петроград». Вступающим в отряд офицерам было обещано жалованье – 200 рублей, а солдатам – от 25 до 95 рублей в месяц.

В Новочеркасске казаки держались лишь в предместьях, толпы красных вливались на столичные улицы в предвкушении погрома. В критический момент со стороны Каменного Брода по большевистским цепям ахнула конно-горная батарея генерал-рядового Невадовского. Броневик, поливая пулеметным огнем, врезался в гущу большевистского резерва, с тыла ударила кавалерия полковника Михаила Жебрак-Рустановича. Ободренные донцы пошли в контратаку со стороны Хотунка, выбросив красных в степь.

Вечером 25 апреля бригада Дроздовского вошла в освобожденный Новочеркасск. За 61 день добровольцы с минимальными потерями прошли с боями 1300 вёрст, делая на подводах за сутки по 60–70 вёрст. В своём дневнике полковник записал: «25 апреля – части вверенного мне отряда вступили в Новочеркасск... в город, который с первых дней возникновения отряда был нашей заветной целью... Теперь я призываю вас всех обернуться назад, вспомнить всё, что творилось в Яссах и Кишинёве, вспомнить все колебания и сомнения первых дней, все нащёптывания и запугивания окружавших вас малодушных. Пусть же послужит вам примером, что только смелость и твёрдая воля творят большие дела. Будем же и впредь в грядущей борьбе ставить себе смело цели и стремиться к достижению их с железным упорством, предпочитая славу и гибель позорному отказу от борьбы; другую же дорогу предоставим всем малодушным и берегущим свою шкуру»¹⁸.

Будущий атаман генерал Пётр Краснов предлагал Дроздовскому и его отряду службу в составе войска и генеральский чин. Тот отказался. Заметил Деникину: «Считая преступным разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы вы...»¹⁹

В тот же день к Деникину в Мечетинскую было отправлено донесение: «Отряд... прибыл в Ваше распоряжение...

Отряд утомлён непрерывным походом, но в случае необходимости готов к бою сейчас»²⁰.

В Мечетинской отряд прошёл парадным маршем перед восхищёнными добровольцами, которых на тот момент насчитывалось всего 2 тысячи штыков и 2,5 тысячи сабель. У Дроздовского же было свыше 3 тысяч, броневики, автомобили, аэропланы (в Таганроге получили), телеграф, оркестр, значительные запасы боеприпасов и амуниции. Деникин получил готовую

¹⁷ Там же. С. 64.

¹⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж, 1921. Т. 2. С. 30.

¹⁹ Шишов А. В. Генерал Дроздовский. Легендарный поход от Ясс до Кубани и Дона. М., 2012. С. 71.

²⁰ Черкасский-Георгиевский В. Г. Вожди белых армий. Смоленск, 2000. С. 297.

боевую часть, ничуть не уступающую Добрармии в вооружении и превосходящую её настроем. И при этом абсолютно неамбициозного подчинённого. Расчувствовавшийся генерал Алексеев снял кубанку и низко поклонился: «Мы были одни, но далеко в Румынии, в Яссах, билось сердце полковника Дроздовского, бились сердца пришедших с ним нам на помощь. Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы... Примите от меня, старого солдата, мой низкий поклон».

Через год, когда Дроздовский уже лежал в могиле, в Ростове музицирующему на пианино в гостинице «Палас-отель» юному киевлянину Дмитрию Покрассу уже полковник Антон Туркул заказал написать марш на слова полковника Петра Баторина. Киевлянин давно набил руку на различного рода заказных музыкальных опусах для именин и торжественных приёмов, но написать марш, да ещё для «легенды Белого движения», было в диковинку. Однако белые уверенно наступали, деньги были, Туркул не поскупился для любимого командира. Покрасс сел за пианино и через несколько дней выдал готовое задание. 29 июня 1919 года на банкете в честь занятия Харькова Добрармией был впервые исполнен «Марш Дроздовского». Ещё через несколько лет победившие красные, которым понравилась музыка, всего лишь переделали в нём слова, и получилась знаменитая песня «По долинам и по взгорьям». Покрассу очень пригодился ростовский опыт, чтобы вскоре самому стать легендой музыкальной Совдепии, написав за гонорар 16 миллионов советских рублей (стоимость 20 коробков спичек) «Мы – красные кавалеристы».

Из Румынии походом
Шёл Дроздовский славный полк,
Во спасение народа,
Исполняя тяжкий долг.

Много он ночей бессонных
И лишений выносил,
Но героев закалённых
Путь далёкий не страшил!

Генерал Дроздовский смело
Шёл с полком своим вперёд.
Как герой, он верил твёрдо,
Что он Родину спасёт!

Видел он, что Русь Святая
Погибает под ярмом
И, как свечка восковая,
Угасает с каждым днём.

Верил он: настанет время
И опомнится народ —
Сбросит варварское бремя
И за нами в бой пойдёт.

Шли дроздовцы твёрдым шагом,
Враг под натиском бежал.
И с трёхцветным Русским Флагом
Славу полк себе стяжал!

Пусть вернёмся мы седые
От кровавого труда,
Над тобой взойдёт, Россия,
Солнце новое тогда!

Этих дней не смолкнет слава,
Не померкнет никогда.
Офицерские заставы
Занимали города!

Казачья нагайка

Совместное освобождение от большевиков Нижнего Дона отнюдь не решило многочисленных проблем Белого дела. Оно лишь обнажило новые проблемы, возможно ещё более неразрешимые. Прежде всего моральные и политические.

Как должно отнестись командование Добрармии к «нашествию гуннов» на Дон, учитывая, что фактически полковник Дроздовский брал Ростов вместе с немцами? Как теперь относиться к «пробудившемуся» казачеству, верхи которого вряд ли пожелают делиться политической и военной властью? Какие политические лозунги выдвигать теперь, после провала (надо называть вещи своими именами) «легендарного» Ледяного похода, пусть даже при «сохранении лица» и боевых порядков Белого движения? Ко всему прочему, у добровольцев закончился четырёхмесячный контракт, и многие из них, вдоволь нахлебавшись братоубийства и не видя перспектив борьбы, пожелали покинуть ряды армии (к примеру, будущий известный белогвардейский писатель прапорщик Корниловского ударного полка Роман Гуль со своим братом).

Немецкая оккупация была серьёзным моральным ударом по идеологии Белой гвардии, большая часть которой три с половиной года провела в окопах Первой мировой войны и не признавала Брестского мира. При этом приходилось отдавать себе отчёт в том, что противопоставить мощной военной машине что-либо серьёзное слабовооружённым и обескровленным белогвардейцам было бессмысленно. Деникин писал: «Это событие, словно удар грома среди прояснившегося было для нас неба, поразило своей неожиданностью и грозным значением. Малочисленная Добровольческая армия, почти лишённая боевых припасов, становилась лицом к лицу одновременно с двумя враждебными факторами – советской властью и немецким нашествием, многочисленной красной гвардией и корпусами первоклассной европейской армии. Этот чужеземный враг был страшен своим бездонным национальным эгоизмом, своим полным отрешением от общечеловеческой морали; он с одинаковым цинизмом жал руку палача в Брест-Литовске, обнадёживал жертву в Москве и Киеве и вносил растление в душу народа, чтобы вывести его надолго из строя столкнувшихся мировых сил»²¹.

Генерал сгущал краски. Едва державшей фронт на Западе германской армии, на которую навалились во Фландрии и Пикардии сразу три сверхдержавы (Англия, Франция и США), было не до имперских и колониальных амбиций. Анархия в России и невозможность толком обеспечить себе безопасный тыл заставляли держать на Восточном фронте, несмотря на «мир», порядка миллиона штыков и сабель. Которые явно не были бы лишними на полях сражений на реках Эна и Марна, где лотарингские суглинки обильно поливали кровью 3,6 млн германских бойцов.

Чтобы высвободить этот мощный кулак, немцам жизненно необходима была умиротворённая, зависимая от Берлина Украина, как поставщик металлов и продовольствия, и как минимум лояльная Донская область, как поставщик угля и зерна. Не помешала бы и зависимая Грузия, как трамплин к грозненской и бакинской нефти, но тут уже приходилось считаться с интересами союзной Турции.

В любом случае распылять на Востоке столь нужные на Западе войска, а уж тем более ввязываться в кровопролитные авантюры было совершенно невыгодно немецкому Генштабу. Поэтому никакой военной угрозы для Добрармии немецкая оккупация регионов, отошедших к Германии по Брестскому миру, не несла. Вначале надо было победить в войне, а уж потом задумываться, в состоянии ли рейх переварить столь много заглоченного на Востоке.

Германским корпусом генерала Кнёрцера было оккупировано около трети территории Донской области, включая Ростов, Нахичевань, Таганрог, Миллерово, Чертково. Оккупацию

²¹ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 31.

германское командование мотивировало тем, что эти города до 31 декабря 1887 года входили в состав Екатеринославской губернии, а согласно секретному приложению к Брестскому договору, вся Украина, включая Екатеринославскую губернию, должна быть оккупирована германскими и австрийскими войсками. Другое дело, что границы «нэзалэжной Украины» поддерживаемая германцами местная Рада гетмана П. Скоропадского трактовала слишком вольно, поэтому в свой состав и включила почти половину территории Донской области, что уже явно ущемляло интересы казачества. Сам гетман настаивал на том, что 67 % населения Ростовского и Таганрогского округов – украинцы (на самом деле их было около четверти, главным образом в Донбассе). К тому же Скоропадский не стеснялся заявить, что «Украинская держава не может существовать, не владея Крымом, иначе это будет некое туловище без ног».

Собравшееся в Новочеркаске временное Донское правительство во главе с чудом уцелевшим после подтёлковских погромов ещё калединским «министром» есаулом Георгием Яновым (по определению Деникина, «правый демагог») созвало 28 апреля 1918 года «Круг спасения Дона» в составе 130 человек. Генерал Пётр Краснов называл его «серым» из-за полного отсутствия в составе Круга «трусливой интеллигенции». По его образному выражению, интеллигенция «сидела в эту пору по подвалам и погребам, тряслась за свою жизнь или подличала перед комиссарами, записываясь на службу в советы и стараясь устроиться в более или менее невинных учреждениях – по народному образованию, по продовольствию или по финансовой части»²².

Иными словами, ни о какой демократии речи уже не шло: доигрались в демократию и революцию до «красного колеса». К работе Круга не были допущены даже меньшевики Александра Локермана, сумевшие удержать большинство ростовских рабочих от участия в братоубийственной войне и которым удалось выжить во время хозяйничанья на Дону большевиков.

Теперь Донскую область представляло исключительно служилое казачество, которое воевало с большевиками и защищать теперь намеревалось только свои интересы. Ни о каких иногородних, инородцах, иноверцах и прочих думать не приходилось – надо было спасать Дон.

Следует заметить, что так называемый «традиционный монархизм» казачества – не более чем красивая легенда. Дон всегда подчёркивал собственную самобытность и самостоятельность, глухо переживая о переломе через колено казачьей свободы Петром Великим. Поэтому казаки, только получив шанс вернуть себе собственный суверенитет, поспешили восстановить «республику Казакию», о которой столь долго мечтали. С Россией же им было больше по нраву выстраивать союзнические и конфедеративные отношения, но никак не жертвовать собственной властью. Благо ресурсы позволяли безбедно существовать в этом благословенном краю.

Круг был временным, созданным до полного освобождения территории Донской области и созыва Большого Круга, поэтому и ставил перед собой лишь локальные задачи. К примеру, был сразу объявлен «принудительный заём» в 4,2 млн рублей у местных толстосумов, которые не желали раскошелиться для Добровольческой армии.

Подавляющее большинство Круга не признавало ни немецкой оккупации, ни территориальных притязаний соседей (да и самой независимой Украины), но, так как германский сапог уже был помыт в Дону, а штык упирался в Новочеркасск, с этим фактом следовало считаться. Ибо казачьей плетью в тот момент тевтонского обуха было явно не перешибить. Предстояло лавировать.

Правительство отправило в Киев полномочное посольство для выяснения позиций сторон, а также для того, чтобы «твёрдо отстаивать существующие ныне границы области, её независимость и самобытность казачества». Однако включил в его состав известных германофобов – генерал-майоров Ивана Семёнова, Владимира Сидорина, Генерального штаба полковника

²² Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. Берлин, 1922. Т. 5. С. 1.

Александра Гущина и бывшего директора Новочеркасского реального училища, профессора Духовной академии Мирона Горчукова.

Из этой четвёрки наибольшее недоумение вызывает личность полковника Гущина. Однокашник и приятель по академии (окончил её в 1910 году по первому разряду) барона Петра Врангеля и Сидорина (вместе с ними учились также известный белый генерал Константин Витковский и советский маршал Борис Шапошников), Гущин во время Первой мировой войны был начальником штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии и награждён Георгиевским оружием за личную храбрость. Одно время преподавал в академии. Однако во время «крушения армии и власти» попытался сделать себе политическую карьеру, показательно ходил с красным бантом и призывал солдат «простить офицеров». Есть фотография, на которой Гущин от полноты чувств рыдает на плече Керенского.

Когда политическая карьера не удалась, Гущин подался на родной Дон, где стал начальником штаба партизанских отрядов у атамана Попова. Но заигрывания с солдатнёй ему не забыли, и консервативно настроенное казачество требовало удаления его из Донской армии. Не удалили, более того, включили в посольство, надо полагать, для «широты взглядов». Впоследствии Гущин сполна их продемонстрировал. Угодил в плен к красным при эвакуации Новороссийска, после чего был завербован ОГПУ и выполнил ряд поручений советской разведки на Дальнем Востоке. Самым известным среди них было похищение атамана Семиреченского войска Бориса Анненкова и его начальника штаба генерал-майора Николая Денисова в апреле 1924 года в Монголии и передача их СССР, где обоих расстреляли.

Столь экстравагантное посольство вступило в контакт с начальником штаба 52-й Вюртембергской резервной пехотной бригады, который заявил, что имеет приказ занять Ростов и Батайск «с целью обеспечить Украину от большевиков удержанием этого важного железнодорожного узла». Когда ему намекнули, что ни один из этих городов к Украине не имеет ни малейшего отношения, тот заметил, что этот вопрос надлежит донцам самим решать с соседями. А заодно добавил, что, если понадобится, германская армия не остановится и перед оккупацией Новочеркасска.

Спорить было бессмысленно, оставалось лишь принять условия оккупантов. Для себя донцы этот вопрос решили, избрав 3 мая войсковым атаманом ещё одного претендента в «спасители России» – генерала Петра Краснова, выступавшего как раз за тесные контакты с германцами. Отказались от «партизана» Попова (нет боевого опыта, всего лишь начальник юнкерского училища да Степной поход), от заплавцев Полякова, Денисова, Янова (молоды и несолидны), от самого Деникина (из мужиков, а нужен казак). Зато Краснов, вообще себя никак не проявивший в донском «сопротивлении», оказался в самый раз.

Удивительный выбор. Бывшая «третья пашка империи», известный своим германофильством, женатый на немке Лидии Грюнайзен (дочь обрусевшего статского советника Теодора Грюнайзена, первым браком замужем за капитаном Александрином Бакмансенем), Краснов после провала похода с Керенским на Петроград дал «честное слово» большевикам не бороться с советской властью. И самое удивительное – долгое время его держал. Во время вооружённого противостояния на Дону в ноябре 1917 – феврале 1918 года, когда лилась кровь и проявлялись принципиальные позиции политических и военных деятелей, Краснов даже не пытался поучаствовать в защите Новочеркасска. В начале февраля, когда решалась судьба казачьей столицы, распустил по домам своих подчинённых и уехал в станицу Константиновскую, где пережидал анархию, преспокойно проживая под немецкой (!) фамилией. Интересно, что природный немец генерал Павел Ренненкампф в эти же дни прятался в Таганроге под греческой фамилией (Ригопуло). Это его не спасло: он был выдан, отказался от сотрудничества с большевиками и расстрелян по личному приказу Антонова-Овсеенко. Без всякого «честного слова».

Когда весной 1918 года на Дону поднялись казачьи станицы, к «немцу» Краснову (вся станица знала его инкогнито) прибыла делегация из 9-го Донского полка, предлагая ему воз-

главить выступление против красных. Вот тут бы и проявить свою отвагу «третьей пашки» и амбиции «спасителя Отечества». Однако генерал, припомнив полку бузу в пору повальной армейской анархии, отказался, не стесняясь в выражениях для земляков: «Я эту сволочь прекрасно знаю и никакого дела с ней иметь не хочу»²³.

«Сволочь» пошла спасать Дон без него. Когда вскоре в Константиновскую вступили возвращавшиеся из Степного похода части атамана Попова, но Краснов и тут ухом не повёл. «Третья пашка» осталась в ножнах. Генерал ждал куда большего, чем обычное командование партизанским отрядом.

Зато Краснов живо встрепенулся, когда на Круге спасения его бывший начальник штаба по 2-й сводно-казачьей дивизии полковник Святослав Денисов выдвинул кандидатуру генерала в войсковые атаманы. На тот момент он был первым по старшинству среди донских генералов и не связанным с местными элитами, ибо почти всю свою жизнь провёл вдали от станиц. Здесь Краснов среагировал мгновенно – малейшее промедление, и в Новочеркасске уже появился бы посланный Деникиным на Круг генерал Африкан Богаевский, человек уже зарекомендовавший себя активной борьбой против большевизма и имевший большие шансы на атаманский пернач. Благо что Константиновская куда ближе к столице, чем месторасположение постоянно воюющих деникинских отрядов.

²³ Шишов А. В., Венков А. В. Белые генералы. Ростов н/Д, 1998. С. 21.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.